

119

Если я не вернусь.

Повестка из Владимирской областной прокуратуры... " На 28 февраля 1977г... К 11 часам... Кабинет 104... Явка строго обязательна..."

Однажды я видел на экране телевизора безобразное, бородавчатое чудовище - какой-то тропический хамелеон с силой выбрасывает-выстреливает из себя - на несколько метров липкий нитевидный язык, и горит той красной живностью, которой коснется его жгучее лезвие.

Я гляжу на повестку и вижу этот пульсирующий язык: ненасытная посты, только что заглотившая моих друзей Александра Гинзбурга, Юрия Орлова, Миколу Руденко, кажется, распаивается и для меня.

" На 28-е февраля... К 11 часам..." Вернусь ли? У меня есть все основания в этом сомневаться: ведь точно так же, 11 июля 1973 года, / даже и время то же, к 11 часам /, был приглашен в прокуратуру " подписать протокол обыска ", а вернулся... ровно 2 года спустя...

У меня нет страха перед новой тюрьмой - лишь чувство безграничного омерзения и чисто физической брезгливости, когда представляю вновь этот мерзкий язык - прикосновение бесстыдных рук, ощупывающих твое тело, выворачивающих карманы, срывающих одежду.

Но постараюсь преодолеть брезгливость, я буду затворяться и каменеть, сколько бы не катал меня этот зверь по своему слепому и смраднему чреву.

С первого же дня я не намерен ни говорить с своими тюремщиками, ни подписывать бумаг, ни исполнять их обрядов.

Я не совершил никаких преступлений против личности и общества. Я вообще никогда не занимался политической деятельностью. Отрицая само право советского суда привлекать меня к ответственности за проявление естественной человеческой и гражданской сути, выразившейся в моем поэтическом и публицистическом творчестве или в подписании правозащитных писем и деклараций, я отказываюсь соучаствовать - словом или подписью - в этой высшей безнравственности.

~~Своей жене и детям~~ Я сделаю все возможное, чтобы не причинить, даже косвенно, вреда своим друзьям.

Со своей стороны прошу их / имею в виду также друзей за рубежом / помочь моей жене и малолетним детям как можно быстрее уехать из этой страны, в которой нет ни права, ни правды, ничего, кроме все подминающей под себя идеологии. Я уже и сам пришел к такому решению, да, видит Бог, не успел... Я прошу об этом единственно ради сохранения своих детей.

Виктор Некипелов.

27 февраля 1977 года.

Но он вернулся в тот раз. И с тех пор, каждый день уходя на работу, он вложил в портфель бритву, учебник английского языка, библию... Так, изо дня в день, он уходил на много лет... Он не боялся этого чудовища и с поднятой головой, шел навстречу его всепожирающей пасти. Не сгоронился в ожидании ее приближения, не ушел в себя. Поэт по призванию, он всецело посвятил себя общественной деятельности. На его плечи легли изнурительные поездки в Москву на совещания группы Хельсинки, десятки адресатов в лагерях и ссылки, посильная помощь политзаключенным. Много энергии и времени у него занимали проблемы инвалидов в СССР. Полнейшая изоляция на работе и косые взгляды на улицах, нескончаемые обыски и угрозы...

Несмотря на это, он не сбросил ни груза, ни темпа, не переставая работать, используя каждую свободную минуту.

Но вот, 7 декабря 1979 года, как обычно, собрав портфель, он ушел на работу. И не вернулся...

И вот сейчас я передаю завещание моего отца трехлетней давности и прошу считать его последним обращением Виктора Некипелова к мировой общественности перед арестом.

Сергей ~~С.В.~~ Некипелов

9. декабря 1979 года